

Ханна Линн

Перевод Анастасии Воронцовой

ДИТЯ АФИНЫ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Ханна Линн
Дитя Афины

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 821.111-312.9(410)
ББК 84(4Вел)6-445.13

Линн Х.

Дитя Афины / Х. Линн — «Манн, Иванов и Фербер»,
2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195820-8

Среди острых скал одинокого острова поселился кошмарный монстр. Бесчисленное количество воинов погубило чудовище, бывшее когда-то прекрасной жрицей Медузой. Как красота обратилась в нечто столь безобразное? Как любящее сердце выгорело дочерна? И что, если монстр – это жертва, а герой-победитель – убийца? Пришло время услышать голос Медузы. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-312.9(410)

ББК 84(4Вел)6-445.13

ISBN 978-5-00-195820-8

© Линн Х., 2020

© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ханна Линн Дитя Афины

Original title:
Athena's Child
by Hannah Lynn

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Text copyright © 2020 Hannah Lynn.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

Пролог

Есть люди, которые считают, что монстры рождаются монстрами. Что некоторые создания уже появляются на этой Земле с тьмой в сердце столь всепоглощающей, что любовь ни одного простого смертного не могла бы ее усмирить. Они считают, что такие души неспособны достичь искупления и не заслуживают его. Это чудовища, несущие хаос всем на своем пути. Мстительные и полные ненависти, они не достойны ничего, кроме нашего презрения.

Вероятно, так и есть. Вероятно, все монстры такими и рождаются. Но в то же время, может, это только способ спрятать тьму, что таится внутри каждого из нас. Тьму, которую мы заставляем себя скрывать от мира, потому что не в силах даже вообразить, какие ужасающие злодеяния случатся, если мы позволим этой тьме разрастись. Потому что такова общеизвестная правда. Тьма разрастается.

Все было бы проще, если бы она не разрасталась. Эта история во многом была бы проще, появись тьма в ней иным путем. Но она появилась так. Медуза выросла среди монстров, но не родилась одной из них.

Часть первая

Глава первая

Стоя на пороге, три фигуры смотрели, как оседают в воздухе клубы пыли. Они хранили молчание, но эта тишина не была мирной и уютной. Это была тишина, отягощенная размышлениями, невысказанным вопросом, ответ на который все знали, но никто не хотел произносить вслух.

Зелень весны уже сменилась летним зноем. Длинные тени кипарисов прочертили линии на сухой пыльной земле, а запах переспелых плодов делал воздух вокруг них сладким. Сморщенные ягоды усыпали землю, служа превосходным пиром для насекомых, которые сновали по камням и грязи. Солнце уже начало садиться, но вечерний воздух все еще был по-дневному влажным. Семья смотрела, как лошадь со всадником исчезают за горизонтом; по их лицам и спинам струился пот.

– Нам стоит учесть этот вариант, – сказала мать, Аретафила.

Первой всегда говорила она. Ее слова звучали резко и бесчувственно, словно обсуждалась не более чем сделка, продажа на рынке, – что, конечно, соответствовало истине. Притворяться, будто в этом таилось нечто большее, просто нелепо.

– Нет, не стоит. И мы не станем его учитывать. – Впервые после прощания с гостем Фалес и его жена встретились глазами.

– Нельзя продолжать откладывать. Нам повезло. Это хорошая партия.

– Почему ты так говоришь? – резко спросил Фалес.

– У меня все-таки есть опыт в подобных делах, – ответила Аретафила.

Пара посмотрела на девочку, стоявшую между ними.

– Иди в дом, – сказала Аретафила старшей дочери. – Найди сестер. Позаботься, чтобы они не перепачкались. И сегодня нам не придется беспокоиться о готовке. Мы прекрасно обойдемся дарами нашего гостя.

Медуза отвела взгляд от линии горизонта. Коротко кивнув матери, она повернулась, собираясь уйти.

– Но сначаланими его. – Отец указал на дорогое ожерелье, обвитое вокруг ее шеи. Медуза, подняв руку, дотронулась до украшения. Не говоря ни слова, сняла нить блестящих драгоценных камней через голову и передала отцу, а после скрылась в глубине дома.

Тот всадник был уже третьим посетителем, которого они принимали за месяц, и пока что самым богатым из всех. Он привез с собой корзины инжира, вино, оливки, мясо и драгоценности. А еще ожерелье, инкрустированное золотом и таким количеством гранатов, какого никто из семьи не видел за всю свою жизнь. За него они выручат больше денег, чем их хозяйство принесет за три года. Фалес кинул взгляд на украшение, и его бросило в дрожь.

– Аретафила, – сказал он, взяв ладонь жены в свою, – что же нам делать? Ты правда веришь в то, что говоришь? Что это хорошая партия?

Она медленно кивнула:

– Да. Он был обходителен. У него хорошая репутация. И ум. Не все столь одарены.

– Ум означает пронизательность, коварство, – возразил Фалес. – Он вдвое меня старше, даже чуть больше. Чем мужчину такого возраста может заинтересовать тринадцатилетняя девочка?

В молчании жены он услышал все ответы, которых боялся.

Какое-то время только цикады и дрозды нарушали повисшую тишину; наконец Аретафила, выпустив воздух из легких, вздохнула:

– Это может быть не так ужасно, как тебе кажется, Фалес. Многим везет. Мне повезло. Моей семье повезло. Ты не можешь вечно держать при себе всех наших девочек из-за судьбы твоей сестры.

– Всех я и не держу. Только Медузу, – простонал Фалес, потирая переносицу. – О, какая тяжкая ноша – дочери! Знал бы я, как это все будет мучительно, утопил бы сразу после рождения.

Аретафила стремительно развернулась к мужу.

– Ты бы этого не сделал, – резко сказала она.

Фалес грустно засмеялся:

– Конечно нет. Я бы не смог отправить ее на дно реки тогда, и теперь не могу отправить ее к волкам. Такая вот глупость. Говоришь, тебе повезло с замужеством? Хороший муж не изводился бы из-за таких пустяков.

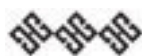
Аретафила положила руку на локоть мужа.

– Это не пустяки, твое беспокойство говорит о твоём добром сердце. Но они не все волки, Фалес. Не все.

Фалес шагнул к дороге; ветер уже стер с песка следы подков.

– Ты ошибаешься, любимая. Хотел бы я, чтобы все было как ты говоришь, но это не так. Они облизывают губы, когда видят ее. Это не мужчины. Это змеи, которые ищут себе самые свежие яйца. И когда находят, то разбивают их, поглощают содержимое, и оставляют лишь пустые оболочки. Я это сердцем чувствую. Каждым своим вздохом. Всякий раз, когда смотрю на нее. Митрис была на целый год старше Медузы и только наполовину так же красива. Моя дочь не должна повторить судьбу моей сестры.

– Но что тогда, Фалес? Что ты прикажешь нам делать?

Путешествие вышло длинным; четыре дня на ногах – и ни капли дождя, который бы облегчил зной, и еще меньше тени, которая защитила бы от жгучего солнца. Они путешествовали вдвоем, и, хотя денег было достаточно, путники спали под деревьями или вовсе под открытым небом. В первый день, несмотря на попытки отца завести разговор, Медуза ничего не говорила, потому что ее душа кровоточила, раненная прощанием с сестрами.

– Ты же скоро вернешься, да? – Сфено, младшая из двух ее сестер, вцепилась ей в ноги. – И я уже лучше научусь делать колесо. Ты обязательно будешь на меня смотреть. Ты вернешься и посмотришь, да?

Медуза боролась со слезами, затуманившими взор.

– У тебя остаюсь я, – утешила младшую средняя сестра Эвриала, спасая Медузу от необходимости давиться словами. – Я посмотрю, как ты делаешь колесо.

– Но ты не такая умелая, как Медуза, – возразила Сфено.

– Это правда, – согласилась Эвриала, – но лучше тебя.

Она стала ерошить волосы Сфено, пока та не рассмеялась.

– Спасибо, – прошептала Медуза.

Эвриала была младше ее на семь лет, но ей всю жизнь казалось, что они из разных поколений. Детские повадки сестры – верещать при виде мышей, вскакивать и убегать в истерике – в итоге убедили Медузу, что она была бы гораздо счастливее, живи они на разных концах деревни. Медуза вспоминала, сколько раз обрывала разговоры с ней, потому что несерьезные детские темы казались ей скучными, или же оставалась слушать, но досадовала, понимая, как много полезного могла сделать за это время. Как же она теперь желала вернуть все эти мгновения. Все минуты, когда пренебрегала малышкой ради того, чтобы полить цветы, помочь на

кухне или просто побыть в одиночестве, подальше от болтливой сестренки. Сколько их всего наберется, гадала она. Всех этих минут. Пара часов? Медуза тут же поняла, что это слишком низкая оценка. Тогда, наверное, день. Или даже неделя. Целая лишняя неделя, которую она могла бы провести с сестрой.

– Как знать, – Эвриала сжала ладонь Медузы, – может, Богиня пожелает, чтобы мы тоже пришли и присоединились к тебе. Может, мы все трое однажды воссоединимся в ее храме.

– Может быть.

– Или, возможно, она решит, будто ты слишком красива, чтобы там оставаться, и отправит тебя обратно к нам с царскими богатствами.

– Сомневаюсь, что она отправит меня обратно, да еще и обогатит.

– Посмотрим, – сказала Эвриала и обняла сестру.

Шагая рядом с отцом, Медуза пыталась вспомнить каждое из тех забытых мгновений.

– Прости, сестра, – прошептала она ветру, шагая вперед. – Прости меня.

Глава вторая

Снаружи храм казался пустым. Колонны, шире и вдвое выше дубовых стволов, отбрасывали тень на мраморные ступени; легкий ветерок приносил едва уловимые ароматы розмарина и жимолости.

– Я подожду здесь, – сказал Фалес, поставив сумку на землю и присев рядом.

– Ты не пойдешь со мной внутрь?

– Я не могу, дитя мое. Ни один мужчина не может войти в храм Афины. Но я буду ждать тебя тут, чтобы узнать твою судьбу.

Медуза взошла по ступеням храма.

Изнутри он походил на пещеру. Сотни свечей озаряли стены. Чувствуя, что дрожит, Медуза направилась к ним.

– Надеюсь, ты трясешься не от страха, – промолвил голос из теней. Женский голос.

Медуза остановилась.

– Ну, разве чуть-чуть.

Женский смех эхом отразился от стен комнаты, звучный и переливчатый, словно звон хрустала:

– Будем надеяться, скоро мы положим этому конец.

В этот миг будто зажегся свет. Ибо когда женщина вышла из тени, сама тень исчезла.

– Моя Богиня, – Медуза пала ниц, и от резкого удара о камень ее пронзила вспышка боли, – прости меня.

Афина покачала головой. Ее блестяще-серые, полные раздумий глаза напоминали отполированный мрамор. Сотни тысяч мыслей клубились в них. Светлая кожа рук сияла, словно кинжал, висевший в ножнах у нее на боку.

– Мне не за что тебя прощать. – Она протянула Медузе руку. – Поднимись, прошу.

Все еще со склоненной головой, Медуза встала, сдержав страх, едва не проглотивший ее. Несмотря на этот страх, от которого дрожали колени, она отчаянно хотела хоть мельком увидеть силу, что стояла перед ней. Находиться рядом с Богиней – мечта любого смертного.

Будто узнав об этом желании, Афина взяла Медузу за подбородок и подняла его. Ее касание словно морская вода: свежесть, ласкающая кожу, столь желанная, но и своенравная. По позвоночнику Медузы пробежал холодок. Плоть, касающаяся ее, была похожа на человеческую не больше, чем пыль – на пламя. Афина, крепко ухватив, поворачивала голову девочки то налево, то направо. Все это время Медуза оставалась неподвижна и податлива. Она проходила через это бесчисленное количество раз с тех пор, как ей исполнилось восемь, с каждым годом все чаще и чаще. Некоторые мужчины давали взятки под видом подарков, прежде чем сделать предложение о браке. Некоторые опускались до лжи под видом обещаний или пытались договориться, что их братья женятся на сестрах Медузы, когда те достигнут нужного возраста, «хоть они и поневзрачнее». Кто-то фыркал и усмехался, пытаясь сделать вид, будто смотрел на что-то обычное, даже обыденное; но это была лишь игра, ведь у них у всех имелись глаза, а видели они то, что достойно руки божественного скульптора.

Медуза позволила Богине изучить себя; ее серые глаза оставались сосредоточены и неподвижны, пока она ощущала постоянное давление на коже, сильное и уверенное. Когда Афина опустила руку и шагнула назад, на лице Медузы не отразилось ни удовлетворения, ни разочарования. Только смирение.

– Скажи мне, дитя, – правая рука Афины покоилась на кинжале, – как думаешь, зачем твой отец привел тебя сюда? К Богине. Неужели он считает, что здесь сиротский приют? Место, где дети попрошайничают, визжат и набивают животы, околачиваясь в моих стенах? – Ее голос сочился насмешкой. – Может, он думает, я убежище для всех бедняков и бездельников, кто не

смог поднять косу и прокормить свою семью? Или я здесь ради тех женщин, которые боятся мужского возбуждения? Вот почему ты здесь, не так ли? Мне этого стоит ожидать: ханжи, крестьяне и бездельники будут осквернять мой храм?

Медуза, не двигаясь, проговорила:

– Я здесь не для того, чтобы осквернить что-либо, моя Богиня.

– А что тогда? Почему ты здесь? Ты хочешь принести себя в дар мне? – Она рассмеялась. Жар ее бессмертия пылал у самого лица Медузы. За несколько мгновений сравнительная легкость в голосе богини сменилась горьким, более грубым тембром, гудящим в воздухе, как громовые раскаты перед бурей. – Принеси себя в дар мужчинам Афин, Медуза. Они заплатят более щедро, чем я. Твое лицо, твоя юность – ты можешь сама назначить себе цену... – Она пропустила локон волос Медузы сквозь пальцы. – Разве это тебя не прельщает? Только представь, какую жизнь ты купишь. Жизнь для своих сестер. Ты глупа, если не задумываешься об этом.

Афина прищурилась.

– Почему ты не защищаешь себя, дитя? Говори. Покажи, как ты рассуждаешь. Может, я не твоего отца видела у храма? Может, ты незаконный ребенок, который преследует его в кошмарах, – она изогнула губы в кривой усмешке, – или же ты преследуешь его совсем не в кошмарах? Может, ему пришлось отослать тебя прочь, потому что идеальные кудри и растущая грудь искушали его слишком сильно? Может, путешествие сюда было шансом, о котором он мечтал. Шансом заполучить тебя себе. В конце концов, у вас есть деньги. Вы могли останавливаться на лучших постоянных дворах по пути, но вместо этого ночевали под открытым небом. Почему твой отец пожелал оставить тебя при себе, дитя? Может, поклонники, которые приходили к тебе, разочаровались бы в твоей чистоте?

Сердце Медузы часто забилося, но она сжала челюсти, отказываясь отвечать на подначки Богини. Но она не могла держать язык за зубами вечно, и это понимала. Богиня отнюдь не славилась терпением, и вскоре молчание будет принято за дерзость. Но оскорбления ее говорить не заставят. Гробовую тишину нарушила одинокая трель зимородка, который не проникся серьезностью момента.

– Говори, дитя! – Афина опять провела длинными пальцами по волосам Медузы. Ее голос снова смягчился, в глазах светилось одобрение. – Я желаю услышать твои слова. Я столько слышала о твоём голосе. И ты так долго добиралась сюда. Очень, очень долго.

Впервые с тех пор, как она вошла в храм, Медуза почувствовала груз пути и огромную тяжесть задачи, которая стояла перед ней. На подошвах ног заныли волдыри и царапины.

– Мы можем сесть, если хочешь. – Афина заметила нерешительность в ее глазах. – Ты, должно быть, устала.

– Ты Богиня, – сказала Медуза, не обратив внимания на ее предложение. – Ты знаешь, что по дороге не было постоянных дворов, как и неправедных действий. И знаешь, почему я здесь.

Афина соединила кончики пальцев. Ее светлая кожа засияла, отбрасывая блики.

– Итак, убежище? Вот в чем дело, я права? Твой отец пожелал, чтобы я взяла на себя его ношу. Одевать тебя, кормить, разрешать тебе пользоваться моими богатствами. Почему ты молчишь? – Она подняла брови, и на ее лбу, обычно закрытом шлемом, собрались морщины. – Ты права, я наблюдала за тобой, дитя. Я видела, как ты срезала языком, будто лезвием, людей вдвое старше тебя. Видела, как ты продавала отцовский виноград вдвое дороже, чем он стоит, тем, кто точно может себе это позволить, только чтобы потом отдать заработанное другим безо всякой выгоды. У тебя есть слова, дитя; не меньше слов, чем в целой библиотеке. Почему ты не хочешь их использовать?

Взгляд Медузы был тверд. Уважителен, но тверд.

– Потому что, моя Богиня, ты видела меня. Ты знаешь, на что способен мой язык. Что моя рука может сделать, соткать и испечь. Ты видела мое сердце, мою волю, и сердца и волю

моих родителей и сестер тоже. Какие бы слова я ни произнесла сейчас, в этот миг, они не повлияют на то, что со мной случится. Ты Богиня. Если бы ты хотела, ты помешала бы нашему путешествию десять раз или даже больше. Ты этого не сделала. Теперь хоть слово, хоть дюжина. Я не верю, что богиня покарает или помилует человека из-за одного-единственного поступка, когда у него за спиной их тысяча и сотня тысяч впереди. Ты приняла решение до того, как я ступила на камни этого храма. Все, что я жду, – услышать его.

Афина шагнула назад. Кинжал на поясе сверкнул ярче прежнего. Вышитая по подолу ее одеяния змея зеленой вспышкой обвилась вокруг лодыжек. Стук сердца в груди Медузы участился: сероглазая богиня сощурилась, черты ее лица снова заострились, а голос зазвенел:

– И ты думаешь, я решила принять тебя? – насмешливо спросила она. – Из всех девочек, что предстают передо мной, что выстраиваются в очередь с полными руками подношений, считаешь, я приму именно тебя?

– Этого я не знаю, – произнесла Медуза с рассудительностью, не свойственной ее возрасту. – Как знать, ты можешь сразить меня и вышвырнуть на улицы Афин еще до темноты. Тогда так тому и быть. Я знаю, что не мне менять решение могущественной Афины. И знаю, что глупо даже пытаться.

Афина обошла девочку кругом – еще один ритуал, в котором Медузе уже приходилось принимать участие. Она держала голову ровно, плечи прямо.

– Итак, ты мудра? – сказала Афина.

– Для ребенка, – ответила Медуза.

Губы Афины приподнялись в намеке на улыбку.

– Мудрость – это только часть меня. Часть моего храма. Что насчет войны? Что ты знаешь об этом? – Она остановилась. – Ты никогда не стояла на поле битвы. Никогда не зажимала павшему распоротый живот, слыша, как его дыхание постепенно слабеет и исчезает. Тебя никогда не переполнял запах крови, когда вокруг звенят клинки и раздаются крики, желающие тебе гибели. Чем ты можешь быть мне полезна? Ты дитя. Ты нежна и слаба.

Медуза облизала пересохшие губы розовым дрожащим языком. Ее глаза устремились вверх: недостаточно, чтобы встретиться с глазами Богини, но очень близко.

– Это правда, – детский голос Медузы прозвучал медленно и задумчиво, – я не стояла на поле битвы. Я не из дочерей Спарты, рожденных со знанием, насколько тяжел меч и как с ним управляться. Я не знаю войны, но бывала в битвах. Битвах во имя моей семьи, когда первый поклонник пришел за мной, а мне было всего восемь. Битвах, когда не позволила мужским рукам шарить там, где они чувствовали себя вправе, и отказалась прогуляться вниз по тропинке или в оливковую рощу. Я знаю битвы, что вела, стоя на ярмарке и требуя, чтобы мужчины смотрели не на мою грудь, глаза или ноги, а на плоды, которые я продавала. Это действительно были не кровавые битвы, но они все же битвы. Битвы, где я сражалась и побеждала.

Афина отступила от девочки. Сияние вокруг нее поблекло и смягчилось.

– И эти войны, что ты вела, – сказала она, проводя рукой по кинжалу, – думаешь, они закончатся, когда ты войдешь в мой храм? Когда станешь моей жрицей?

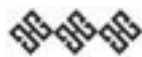
Впервые после того, как Медуза покинула дом, она растянула губы в широкой улыбке. Но в мерцании ее глаз не светилась радость. Оно было темным и пустым, и родилось не при ее жизни, но в тысячах жизней до этой. В жизни ее тети, тети ее тети, бессчетными поколениями, затерянными в далеком прошлом.

– Эти битвы, – сказала она, – не заканчиваются никогда.

Глава третья

Гелиос вступил в свои права, появившись в небе легкой пурпурной дымкой на горизонте. Когда Медуза встала, звезд было еще больше; все это время она, как только оделась, подметала в храме. В этот день ей предстояло встретиться с гражданами полиса. Встать перед этими мужчинами и женщинами от имени Афины, отвечать на их вопросы и даровать мудрость Богини в меру своего понимания. Третий раз за долгие месяцы эта обязанность легла на нее. Где-то в мире за пределами храма какие-нибудь женщины, возможно, позавидовали бы, сочли Медузу любимицей Богини, но в храме такие мысли держали при себе. Принижать других здесь просто бесполезно: им все равно всегда одинаково подавали еду, кровати застилали одним и тем же полотном.

Крепко держась за метлу, Медуза подметала храм, и пылинки взмывали и кружили в воздухе, устремляясь к тускнеющим утренним созвездиям тысячей новых звезд. Когда от ее шагов перестали оставаться следы на земле, она забрала метлу и направилась вниз, в комнату под храмом. Там вымыла руки и ноги, умастила их шалфеем и апельсинами и облачилась в тунику. Лоб она закрыла жреческой повязкой, на плечи набросила белую накидку. Некоторые на ее месте надевали золото и драгоценности в честь такого события, но она никогда не хотела ослепить людей, а лишь заставить их заметить ее.

– Он ворует, – сказал ей мужчина. – Ворует и ворует. Уже три раза на этой неделе. Это еда моих родных. Их деньги, их золото.

– Он крал и золото, и еду? – спросила Медуза.

– За что еще можно купить еду, если не за золото?

– Я слышал, за расставленные ноги твоей жены, – выкрикнул кто-то из толпы. Мужчина подавил секундную вспышку злости и снова повернулся к Жрице.

Медуза сидела на деревянной скамье, окруженная толпой людей, ожидающих, когда их жалобы будут выслушаны. На земле тлели розмарин и мята, и от их пьянящих ароматов воздух вокруг сделался густым и вязким.

– Предлагал ли ты сам ему еду?

Проситель ясно расслышал вопрос Медузы, но потряс головой, будто она сказала какую-то бессмыслицу.

– Он меня обворовывает. С чего бы мне предлагать ему еду?

– Именно потому, что он тебя обворовывает. Отдай ему еду. Никто не захочет того, что может получить бесплатно. Твои плоды ничуть не слаще других. Поделись с ним едой. Я очень удивлюсь, если он продолжит воровать.

– Но что, если он откажется брать? – спросил мужчина; от досады его щеки все еще были розовыми.

– Тогда, возможно, он, увидев твое сострадание, поймет ошибочность своих поступков. Если же он примет дар и продолжит красть, наверное, стоит закрыть на это глаза.

Мужчина сжал челюсти, явно не одобряя ее слова.

– То есть мне просто позволить ему красть? – сказал он.

Медуза откинулась на спинку скамьи и оглядела просителя. На его подбородке была ямочка, темные волосы липли к голове. Руку охватывал золотой обруч толще его запястья.

– Господин, отдали бы вы свою еду богам, если бы они об этом попросили?

Мужчина в замешательстве кивнул.

– Конечно. Как и любой здравомыслящий человек.

– А если бы бог ее украл?

– Боги могут брать и отдавать, как считают нужным.

Медуза улыбнулась.

– Да, могут, – сказала она. – Итак, здесь мы согласны. Но, – она сделала паузу и отодвинулась немного, – что, если этот бог скрывает себя? Как Посейдон, когда выходит на берег. Как ты определишь, что человек, которому ты отказываешься дать еды, – смертный, а не бог?

Мужчина снова затряс подбородком:

– Этот сосед жил рядом всю мою жизнь.

– И все же ты видишь его только тогда, когда твои глаза открыты. Куда, скажи на милость, он уходит, когда они закрыты или ты отворачиваешься?

Мужчина покраснел. Его вопросы заняли больше времени, чем было необходимо, и позади него уже слышалось ворчание тех, кто все еще хотел высказаться перед жрицей.

– Ты просил мудрости Богини, и она была тебе дарована, – сказала Медуза мужчине. – Ты понял меня?

Сжав челюсти, мужчина склонил голову и быстро кивнул.

– Спасибо, Госпожа, – сказал он, возвращаясь в толпу.

Большинство вопросов, которые ей задавали в тот день, были глупыми дразгками и легко разрешимыми разногласиями. Мужчины крали еду, крали женщин, крали домашний скот – скот, о котором часто думали с большей нежностью, чем о своих женщинах.

Им не нужны боги, думала Медуза, им просто нужен кто-то: любой, кто скажет им, что и как делать.

– Мою дочь отослали домой с позором, – сказал другой мужчина, выступая из толпы и привлекая внимание Медузы. – Это был ее второй муж. Я потратил на приданое целое состояние. Почему она так поступает? Почему взваливает на себя такой позор? Неужели она не понимает, что скоро станет слишком старой для замужества и у нас не останется денег на подходящую партию?

– Твоя дочь здесь? – спросила Медуза.

Мужчина покачал головой.

– Здесь женщинам не место, – ответил он. Медуза подняла бровь.

– Скажи мне, в чем твоя дочь опозорила тебя? Какие поступки столь отяготили твое сердце?

Проситель наморщил лоб.

– Теперь ни один мужчина на ней не женится, – сказал он. – Ей придется остаться дома и ухаживать за посевами до самой смерти.

– А она об этом знает?

– Как она может не знать?

Медуза подняла руку ко лбу, где из-под повязки выбился тонкий локон. Этот человек напомнил ей отца – таким же отмеченным печатью многих забот лицом. Они могут быть одного возраста, подумала она, ведь прошло больше пяти лет с тех пор, как они попрощались на ступенях храма Афины.

– Господин, ты хороший человек, – сказала она. – Возможно, лучше той сотни мужчин, что говорили сегодня до тебя. Ты рассказал мне только о позоре своей дочери, о том бремени, которое она взвалила на себя.

Мужчина серьезно кивнул.

– Но этот позор она выбрала сама. Ты говоришь о ее тяготах сейчас, но спрашивал ли ты о ее тяготах раньше? – Проситель молчал, грызя ноготь большого пальца. – Понимаю, не такой жизни ты для нее хотел – жизни, полной тяжелых трудов и неопределенности. Но что бремя для одного, то другому свобода. Заклинатель змей зарабатывает себе на жизнь тем, что для

других стало бы смертью. Моряк проводит в море годы, а кто-то может погибнуть за неделю. Ты хорошо ее воспитал. Доверься ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.